

Димитрий Сегал, Нина Сегал (Рудник)
Omry Ronen: In Memoriam

Умер Омри Ронен. Что нам говорит эта смерть? В плане личном — это страшная незаживающая рана, которая никогда не зарубцуется, всегда будет болеть и кровоточить. С Омри связан огромный пласт самых сокровенных воспоминаний, переживаний и стремлений, которые начнут приобретать в свете этой утраты особую ценность, значимость и весомость, ибо он был личностью великого всемирного масштаба. В личном плане с ним было и вечно будет связано уникальное чувство особой неповторимой благодарности, которую испытываешь к старшим, к тем, кто указал путь, помог пройти по нему. Уход Омри Ронена в этом отношении подобен мировой катастрофе, тому, что на иврите называется «затмением светила».

В плане же общественном, который, впрочем, как оказывается, весь произведен от плана личного, потеря, связанная со смертью Ронена, — это потеря последнего и самого честного из судей «по гамбургскому счету». Воистину, в том, что касается филологии и литературоведения, уход Ронена, к сожалению, означает торжество чисто количественных, массовидных критериев ценности в нашей науке. Омри же всегда стремился достичь положения абсолютного арбитра абсолютной ценности. Быть таковым — задача не только непосильная и неподъемная, но и сложная и кропотливая, поскольку она предполагает необходимость одновременно обозревать все смысловое поле литературы и науки о литературе, складывающееся в настоящий момент. Для него это поле состояло как минимум из четырех весьма различных смысловых наследий

и компонент. Речь идет о культуре Израиля, наследии культуры Центральной Европы, особенно бывшей Австро-Венгрии и Венгрии как таковой, о русской культуре и, пожалуй, в меньшей степени, о контексте американской культуры. Надо подчеркнуть, что ценности, которые Омри Ронен искал и отстаивал страстно и бескомпромиссно, были всегда и в каждой из этих областей ценностями, если так можно выразиться, миноритарными, доступными для понимания лишь избранных. Это не были ценности, циркулирующие в пространстве культурного или общественного большинства, но ценности, обитающие в особых, закрытых для постороннего взгляда и поверхностного понимания пространствах истории и культуры, прежде всего в хронотопе Серебряного века и окружающих его эпох. Именно это пространство-время было для Омри жидовой средой его обитания во всех ее переплетениях и перипетиях.

Для таких ценностей характерно эксцентричное и асимметричное положение по отношению к взглядам, привычкам, вкусам и разного рода ценностям большей и доминирующей части общества. А у Омри Ронена к асимметричности и эксцентричности добавлена была немалая доза милитантности. В его интерпретации оказывалось, что все традиционные культурные, исторические и очень часто политические «общие места» той культуры, литературы или общественной системы, с которой он сталкивался или которую он исследовал, подлежали бурной ревизии. Соответственно, его пристрастия и антипатии всегда не совпадали с теми, которые существовали в той или иной господствующей и для него всегда неизменно пошлой окружающей ортодоксии. Отсюда, в частности, его запомнившиеся всем нападки на «совка» и «совковые» представления, поведение и «ценности». Отсюда его пристрастие к украинской культуре, литературе и поэзии — на фоне общерусского интеллигентского презрения ко всему этому. Отсюда его интерес к крайне правым направлениям, в том числе и внутри русской культуры, правда, скорее, в политике и общественности, чем в литературе как таковой. Отсюда его постоянная преданность ревизионистскому направлению

в сионизме и пренебрежение ценностями рабочего сионизма. Отсюда, наконец, его отталкивание от леволиберального большинства американского еврейства (так, например, он терпеть не мог Вуди Аллена).

В своих занятиях литературой Омри был вдохновенным, прозорливым и честным критиком в англо-американском значении этого слова, которое объединяет в себе значение «исследователь», русское представление «писатель о литературе» и понятие «тот, кто дает вкусовую и ценностную оценку». Не удивительно поэтому, что Омри был самым лучшим знатоком, ценителем и тончайшим «понимателем» Осипа Мандельштама. В этом отношении смерть Омри Ронена означает, в каком-то смысле, вторую смерть Мандельштама. Впрочем, это можно сказать и о некоторых других поэтических пристрастиях Ронена, особенно об Иннокентии Анненском. Вообще, Омри не было равных в любви к поэзии и в способности ею вдохновляться и передавать это вдохновение другим.

Сама личность Омри — вот то, что притягивало к нему, что заставляло людей читать его, искать его общества, жаждать его слова. Он был человеком прямым, сложным, резким и бесконечно интересным. В нем таилось гораздо больше, чем можно было от него получить. Этот неизменный остаток, этот волшебный рубль сохранялся у него вплоть до самого конца. Нам особенно помнится и не отпускает впечатление об Омри как о настоящем, вечно молодом романтике-революционере. Такими были его предшественники — молодые, талантливые еврейские левые интеллигенты, будь-то из русского ОПОЯЗ'а, варшавского «Скамандра» или чешского «Деветсила». Чехов, впрочем, он не особенно жаловал, считая их предателями австро-венгерского дела. У Омри, как у истинного романтика, были свои крайне серьезные национальные и геополитические претензии и пристрастия. У него было свое представление о том, как сегодня должна звучать гердеровская мировая арфа.

Так, Омри был до конца верен духу и делу венгерского восстания 1956 года. По нему было видно, что этот порыв к свободе, порыв столь же великий, как и глубоко трагиче-

ский, навсегда определил его душу. В те дни, когда коммунизм был еще очень крепок и грядущее освобождение Венгрии и всей восточной Европы от гнета Советского Союза казалось несбыточной мечтой, Омри Ронен был уверен в том, что страшные жертвы, которые в дни его юности понесла Венгрия, были не только не напрасны, но необходимы. Раны Будапешта были для него почетными орденами, которые в будущем должны были обеспечить Венгрии достойное вступление в семью свободных народов. Реальность, как всегда, внесла свои непредсказуемые иронические коррективы в эти предвидения.

Трагический опыт поражения венгерского восстания навсегда наложил свой отпечаток на мировоззрение Омри Ронена и его духовный облик. Он видел все явления духовной и культурной жизни и все разнообразные события в свете их возможного будущего краха, поражения и упадка и нес с достоинством это чувство гордого пессимизма. Поэтому советская и последующая за ней восточно-европейская перестройка не вызвали у него ни эйфории, ни стремления бежать за новым «анти-комсомолом». Для Ронена ценность состояла прежде всего во внутренней честности, а абсолютная ценность — в абсолютной готовности художника и вообще человека нести полную личную ответственность за свои мысли, поступки и творения, даже — и особенно — перед лицом поражения, позора и забвения. Его собственный опыт был иллюстрацией такой бесстрашной готовности.

Романтизм Омри особенно сказывался в его постоянной внутренней готовности быть очарованным событиями, произведениями и людьми. Он все время боролся за кого-то очень талантливого и способного, автора новых идей, книг, статей. Как правило, такая борьба не заканчивалась так, как он этого хотел. Но неважно — «Эйн давар!», как писал в своих революционно-романтических стихах его кумир Владимир Зеев Жаботинский. Главное — это благородный порыв, а Омри был редчайшим в наше время воплощением благородства. Таким мы его запоем навсегда.